

УДК 821.161.3.09.+929

Образы «посредников» в творчестве Яна Барщевского

Т. П. ЦЕЛЕХОВИЧ

О «беларускім гафманізме» в творчестве Яна Барщевского писал еще его первый биограф и критик Р. Подбереский [1, с. 68]. С тех пор говорить о принадлежности белорусско-польского писателя к романтизму стало в литературоведении общим местом – и в начале XXI века для исследователей он остается «ранним Гоголем», автором романтических произведений «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апаваданнях», «Драўляны Дзядок і кабета Інсекта» и т.д., активно анализируются славянские языческие мифологемы в его творчестве («Витебская», «Мозырская» группы литературоведов). Между тем, нельзя упускать из вида тот факт, что Барщевский был верующим человеком; сын униатского священника, он через всю жизнь пронес веру в Бога. По воспоминаниям современников, он никогда не упускал возможности «з сям'ёй сумленнага шляхціца ўзнесці малітвы спрадвечнаму ў родным касцёле» [1, с. 69]. Своей «сестре» Юлии Корсак он советует в трудностях: «ноччу, без скону, малі аб літасці Бога» [2, с.19]. А в стихотворении «Do mlodziezu», опубликованном в № 3 альманаха «Niezabudka», обращается к представителю молодого поколения:

Tam szukaj Boga, poznaj sama siebie,
I tajemnice objawiaj przed ludem... [3].

Кроме того, писатель окончил Полоцкую иезуитскую академию, где получил духовное образование. Несомненно, что, путешествуя по Беларуси, он хорошо знал народные воззрения на окружающий мир и передал их в своих «фантастычных апаваданнях», но он был также хорошо осведомлен в религиозных вопросах, глубоко изучив курс теологии в академии. Мы считаем, что все это позволяет пересмотреть его творческое наследие в контексте христианских представлений.

У нас сохранилось единственное свидетельство представителя духовенства, знавшего Барщевского лично, ксендза Михаила (Галавинского). Вот что он писал в письме к М. Грабовскому, опубликованном в июне 1843 г. в журнале «Пеллжым»: «Пачаў ён прозай пісаць аповесці: не магу табе перадаць сваё вялікае ўражанне.<...> выхоўваўся ён у езуітаў, але гэта не пазбавіла яго пачуцця і прастаты; поўны сапраўднай веры ў тое, пра што піша, а гэта не малая ўмова, бо з верай кожнае апісанне непараўнальна жывейшае і праўдзівейшае» [1, с. 70]. Не думаем, что отец Михаил всерьез писал о том, что Барщевский верит в те суеверия – «забавоны» белорусов, которые частично передал в своем сборнике. Парадоксально, но именно литературовед советского периода (на фоне атеистической идеологии, обвинившей Барщевского в «патрыярхальшчыне» и «кансерватыўнасці») – Н. Перкин впервые серьезно заговорил о значимости христианского составляющего художественного мира Барщевского. Так, он замечает, что в пространстве «Шляхціца Завальни» основная линия конфликтов идет не в социальном, а в «маральна-этычным плане. Адмоўныя з'явы жыцця часцей за ўсё разглядаюцца не з пункту погляду тых канкрэтна-гістарычных прычын, якія іх спарадзілі, а як праклён чалавечага роду, як нейкая кара нябёсаў» [4, с. 229]. Несмотря на некоторую религиозную невежественность данных утверждений, исследователь отмечает главное, – наличие в произведениях писателя религиозной детерминации событий. Кроме того, критик указывает на значимость личностного вклада Барщевского как христианина в создании своих текстов: «Хоць пад уплывам царквы, хрысціянскага вучэння рэлігійны элемент сапраўды пранікаў у сферу вобразных народных уяўленняў, надаючы пэўную афарбоўку рэалістычнаму мысленню сялянства, але ж Баршчэўскі, бяспрэчна, значна ўзмацняе яго. Гэта знаходзіцца ў шчыльнай сувязі з усім яго светаадчуваннем» [4, с. 220]. Современные ис-

следователи видят в использовании фольклорно-мифологического материала «пропаведзь хрысціянскага вучэння, хрысціянскай маралі і этыкі» Барщевским [5, с.38]. Например, Н. Хаустович, пишет: «Знітаванасць паганскае міфалогіі з хрысціянскаю дагматыкаю ў беларусаў была настолькі моцнаю, што ў чыстым выглядзе гэтыя дзве сістэмы ніколі не існавалі. І гэты эклектызм – галоўная адметнасць беларускага нацыянальнага светапогляду, асноўныя рысы якога Я.Баршчэўскі адлюстравалі ў «Шляхціцы Завальня» [6, с. 54]. Значимость личной веры Барщевского в формировании его художественной модели мира, отмечает и И. Штейнер. Так, он пишет: «Я. Баршчэўскі быў глыбока веруючым чалавекам, менавіта таму ён у значнай ступені імкнуўся падпарадкаваць творчасць маральна-рэлігійнай форме свядомасці (у нечым ягоныя прыклады нагадваюць прытчы Ісуса Хрыста)» [7, с. 87]

В данной статье будет рассмотрена реализация в художественном пространстве Барщевского образов «посредников» – ангелов Света и ангелов тьмы (падших, бесов, демонов), которые в христианской мысли трактуются как слуги Господа и дьявола соответственно, и которые, на наш взгляд, являются значимыми составляющими религиозно-мистического уровня текстов писателя. Поскольку специфика функционирования в творчестве Барщевского образа ангела Света нами уже была рассмотрена ранее, то в предлагаемой статье мы обратимся к исследованию второго типа «посредников» – ангелов тьмы.

Так как сборник Барщевского «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апа-вяданнях» рассматривается в литературоведении как произведение романтического толка, то и его персонажи – «добрые и злые» – относили и относят исключительно к типу «казачна-фантастычных вобразаў народных паданняў і легендаў» [4, с. 229]. Впрочем, сам писатель, например, в рассказе «Успаміны пра наведванне роднага краю», не отрицает тот факт, что злые духи могут быть всего лишь порождением народного воображения белорусского народа, «якому заўсёды мрояцца чары і духі ў размаітых постацях» [8, с. 139]. В литературоведении образ падших ангелов в творчестве Барщевского рассматривался также в социально-историческом контексте: так, Н. Хаустович отмечает, что темные силы у писателя – это олицетворение «чужынцаў, а таксама падкупленых імі суайчыннікаў» [6, с. 101]. И исследователь частично прав, поскольку персонажи Барщевского неоднократно подчеркивают, что «нядобрыя духі» служат «злым панам» [8, с. 81]. Между тем сквозь все пространство сборника проходит идея/предупреждение, которая имеет глубокий христианский смысл и содержит аллюзию на Библейское: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить» (1Петр 5:8). Это слова шляхтича Завальни: «Не спіць злы дух, усюды шкодзіць людзям і заўсёды сябруе з тымі, хто забывае пра бліжніх сваіх. То кара Божая» [8, с. 263]. Но если кара/наказание, то временная, поскольку каждый человек свободен бороться с реальным злом. И персонажи Барщевского свободны выбирать свой путь: они вступают в связь с демонами или обращаются к Свету Жизни – это зависит от их духовной зрелости. В рассказе «Рыбак Родзька» перечисляются основные причины появления падших ангелов, что соответствует христианским представлениям по этому вопросу: количество злых духов увеличивается, потому что «людская злосць ім – найлепшая паша»; безбожные поступки людей (колдовство, блуд, постыдные песни, убийства и т.д.) берут свое начало от времен Каина. Персонаж рассказа говорит: «О! Як шмат памножылася каінаў, што забіваюць сваіх братоў» [8, с. 151]. Глухое озеро становится «д'яблавым кублом», потому что возле него селилось много преступников: «не мелі яны ў сэрцы ні веры ў Бога, ані любові да бліжняга» [8, с. 151].

По замечанию современного литературоведа С. Яковлева, для творчества Барщевского характерен синкретизм народной и католической демонологии [9, с. 66]. Но если образы народной демонологии в художественном пространстве писателя активно исследуются в литературоведении, то христианские мифемы практически не рассматриваются. Исследователь творчества Барщевского обратил внимание на столь характерную в контексте христианских представлений о демонах кличку одного из персонажей писателя – Люцэфугу, которая напоминает имя библейского старшего ангела, который возгордился, пал и был изгнан. Литературовед находит параллели между персонажем и библейским изгнанником: «выкінуты, бо сам

абраў такі шлях. Апошняя аўтар пацвярджае другою часткаю слова-мянушкі – фуга (ад лац. Fuga – удэкі). Магчыма яшчэ адно тлумачэнне мянушкі: Люцэфуга – гэта той, хто ўцякае ад святла. Прычым, удэкі ад святла навукі па сутнасці становяцца ўцэкамі ад боскага святла» [6, с.167]. Но в произведениях писателя есть более очевидные и глубоко осмысленные аллюзии на слуг «князя мира сего». Речь идет об образах Инсекты и Деревянной голове Деда. В литературоведении Плачку и Инсекту рассматривают как символ Беларуси, а Деревянного Деда интерпретируют, чуть ли не как святого пророка, ангела-хранителя [10]. Если предположить, что Инсекта – трансформированный образ Плачки-Беларуси, то в первом рассказе о Плачке еще можно согласиться, что эта красивая воздушная женщина в белом, плачущая в разрушенных костелах и на братских могилах, – символизирует Мать-Беларусь, но в дальнейшем этот образ значительно изменяется и требует соответствующей интерпретации. В повести Барщевского «Драўляны Дзядок і кабета Инсекта» смерти богатой пани, злой и беспощадной в своей жестокости к подданным, сопутствует ее буквальное высыхание, уменьшение, наконец, она чудесным образом превращается в крохотное насекомое. Но за внешней сказочностью, аллегорией прочитывается сложный подтекст: писатель неоднократно подчеркивает огненную природу Инсекты (ее глаза горят, «злосць гарэла ў яе сэрцы»), она не просто безобидное существо, «наказанное» за жизненные грехи – она «крылатая пачвара», которая неустанно вредит пану А., пока тот не обращается за помощью к священнику; причем в доме пана она хозяйничает не одна – «апоўначы чуцен шум і нейкі піск пад падлогаю і па кутах часам з'яўляюцца страшныя здані і нейкія звераняты, падобныя да жаб і жукоў з чорнымі кашэчымі галовамі і зіхоткімі, як іскры вачыма, калі хто падыдзе, яны ўмомант знікаюць» [8, с. 293]. Далее, когда ксёндзу удается «отловить» Инсекту, он садит ее на деревянного идола, которым в повести является Дед, и начинает говорить с ней на «духоўныя тэмы і чытаць малітвы». Это сопровождается диким воем, нечеловеческими криками и проклятиями как «насекомого», так и Деда. После чего, видимо, устав бороться со «священнодействиями», «насекомое» неожиданно превращается в прекрасную, «нібы анёл», женщину, «благодарит» священника «за помощь» (доведя его этим до пагубного состояния прелести) и вдруг исчезает, чтобы потом смущать доверчивых образом молодой красавицы Плачки. Огненная природа, способность принимать различные облики (в том числе – ангела Света), неожиданно появляться и исчезать вследствие воздушно-огненной сущности, вредоносность по отношению к людям, особенно верующим, – указывает на то, что Барщевский довольно последовательно отразил в образе Инсекты отпавшего ангела. Что касается манипуляций, проводимых священником над насекомым, то эту сцену можно прочесть как пародию на отчитку бесноватой (экзорцизм).

Деревянный Дед – голова Сократа, князя, мудреца; бюст пустытника, монаха – так говорят о нем персонажи повести. Но его горящие, как угли, глаза, периодические завывания и проклятия, способность появляться в самых неожиданных местах в сопровождении шума, ветра, воя собак – люди реагируют на его появление естественно – «дзяўчаты з крыкам разбегліся, некаторыя пападалі непрытомныя»; «людзі маліліся, аж пакуль гэта не супакоілася», – свидетельствуют о том, что в него засел дух прорицания, примеры зловредности которого хрестоматийны в Евангелии и житиях святых [8, с. 287-288]. Дедок стоит в коридоре иезуитского каллегиума в Полоцке и повторяет имя «Люцэфуга» (// Люцифер) – на коридоре и появляется – сначала «нейкае страшыдла на мностве лапаў», потом «чалавек-прусак» «з Люцэфугавым тварам» [8, с. 303]. Показательно и продолжение знаменитого сна пани Земельской: «Да мяне падышоў стары, зусім падобны да нашага Драўлянага Дзядка, і кажа: “Маліся!”» [8, с. 313]. Императивные формы, которые часты в его обращении к несчастной («слухай», «запамінай», «маліся»), характерны для «речи» падших ангелов, цель которых – утратить, заставить христиан поверить в их ложный свет, подчинить себе, поставить перед собой на колени, чего они и добиваются во сне Земельской – люди «укленчылі і пачалі старанна маліцца» [8, с. 313]. Писатель не уточняет – кому.

В рассказе цикла «Горды філосаф» одноименному персонажу, который издает книги, содержащие его рассуждения, «якія супярэчлівы рэлігіі», который не верил в загробную

жизнь и смеялся над христианами, приходит его «единомышленник» – «велізарны шкілет» [8, с.306-307]. Его появление можно считать *предупреждением*, данным философу для раздумления и исправления, но философ оказался не готовым изменить свои взгляды и образ жизни, – «і цяпер прымхі мучылі яго душу і даводзілі да распачы» [8, с. 307]. В состоянии отчаяния, с чувством оставленности философ умирает, так и не открыв для себя Истину. Персонажи Барщевского, как правило, предрасположены к впусению беса. Писатель показывает их уже в состоянии апостасии – беснование и смерть являются закономерным концом для нераскаянных грешников. Так, пан К.Г. (рассказ «Пра чарнакніжніка і пра цмока, што вылупіўся з яйца, знесенага пеўнем») «злы быў страшна ўспомніць», когда принимает услуги человека, который появился «невядома адкуль» в его деревне [8, с. 95]. Вместе с этим человеком пан идет на кладбище, чтобы увидеть тех, кто поможет ему стать богаче: «нейкія страшыдлы запоўнілі ўсё неба, нейкія звяры, падобныя да мядзведзяў, дзікоў і ваўкоў, бегалі вакол, равучы...» [8, с. 96]. Барщевский оставляет пана на первой ступени к смерти: уныние сменяется припадками бешеной злости и ненависти к людям: «Пан увесь час маркоціўся, хоць меў шмат золата <...> зрабіўся яшчэ больш люты, ніхто яму дагадзіць не мог» [8, с. 96]. Другое дело – лекай пана Карпа, у которого «ні веры, ні Бога ў сэрцы няма» [8, с. 96]. Сойдясь сначала с гостем/чернокнижником пана, а потом с местным колдуном Парамоном, который прямо на свадьбе своего протеже продемонстрировал «моц шатанскую», убив Акима и Гришку; Карпа становится доступным для злого духа сребролюбия. Который сначала появляется на свадьбе Карпы и Агапки в образе «страшыдла, зарослага валасамі», а потом в образе красивого молодого человека на фоне грозовой вспышки предстает перед Агапкой. Их разговор являет собой универсальный для христианских представлений пример беседы искушаемого с искушающим. Агапка, богобоязненная христианка, не подозревающая, кто «помог» ее любимому стать богатым. Появление незнакомого мужчины вызывает в ее душе необъяснимую тревогу, она вглядывается в его лицо: на какой-то момент оно кажется ей даже приятным, но пронзительный, злой взгляд делает первое впечатление от него страшным. « – Ці даўно вы знаёмы з маім мужам? – Ведаю яго з дзяцінства. Я вандрую па свеце і служу шчаслівым людзям <...> Навошта табе ведаць маё імя? Я твой прыяцель <сыпле золата>. Згадзіся толькі на мае жаданні і мае паслугі <...> – Я не хцівая, хачу толькі спакою душы. І няхай мяне апякае Прачыстая Маці Сірацінская. Ледзь вымавіла імя Маткі Божае, – успыхнуў ён полымем і знік у імгненне вока» [8, с. 105]. Еще дважды приходил этот бес к Агапке, но крест и призыв на помощь Пресвятой Девы и Иисуса Христа спасли христианку от искушений. Ее муж, напротив, отвергает Божью помощь, – его раздражают вечерние молитвы жены. В отличие от Агапки, он более гостеприимен с бесом, посещающим их дом: «Апоўначы часам уставаў з пасцелі і ля дзвярэй ці праз вакно размаўляў невядома з кім, выбягаў за дзверы і невядома дзе прападаў» [8, с. 104]. В то время как Карпа все глубже спускается в ров погибели, Агапка обращается за помощью к католическому священнику, дабы он освятил их дом. Но ксендзу так и не удалось исправить положение: бесы разрушили дом в буквальном смысле, изуродованный труп Карпы находят охотники, Агапка тоже умирает, причем в страшных мучениях – она будет «панаваць на небе», а здесь, в этом мире есть свой «князь».

В рассказе «Белая сарока» к пану Скамароху, который «быў надзвычай неспакойнага норава, фанабэрлівы і хцівы» однажды ночью при свете молнии приходит человек «на танюсенькіх нагах, худы, вочы круглыя, дробным і вострым тварам падобны да птушкі»; «вочы, як дзве іскрынкі кідалі святло, і дзікі смех прабягаў па яго брыдкім твары» [11, с. 206-209]. Его «жудасны твар», огненные очи, неожиданное появление не оставляют у пана сомнения – «прада мною злы дух» [8, с. 206]. Барщевский вводит в это и другие произведения универсальный образ бесов – образ человеческий, при этом сохраняя все хрестоматийные для христианских представлений его характеристики. Так, человек, навестивший пана рассказывает о своих «функциях» в мире: «Я выведваю, пра што людзі думаюць, пра што гавораць <...> мае вока хуткае, а слых такі тонкі, што за сцяною <...> магу чуць шэпт; па рысах твару пазнаю характары людзей, змушаю іх гаварыць паміж сабою і памятаю пра ўсё; заход-

жу праз маленькую шчылінку, і дзверы не скрыпяць, калі я іх адчыняю» [8, с. 206]. В другом рассказе цикла «Стогадовы стары і чорны госць» жестокого пана посещает опять-таки странный человек «худы, заўсёды бледны, нос велізарны, бровы густыя, погляд як у вар'ята, вопратку меў чорную...». Его влияние на пана оказывается закономерным в контексте отношений «бес – одержимый им»: поначалу пан «гадзінамі сядзеў моўчкі на адным месцы, часта задуманы», затем «ў распачы хапаўся за галаву і размаўляў сам з сабою» и, наконец, «памёр ад несупынных пакутаў» [8, с. 263]. В другом рассказе «Радзімы знак на вуснах» Ахрем встречает беса в образе своего кума, который доводит беднягу до беспамятства – и он «ад знямогі ды ад страху здранцвеў увесь» [8, с. 159]. Христианская традиция свидетельствует о способности злых духов являться человеку в образе великанов, дабы утратить и подчинить себе. Так, Антонию Великому демон явился в образе великана «высотою с храм» [11, с. 58-59]. Испуганный слуга пана Скамароха рассказывает, что будто бы во сне ему явился «волат, тоўсты, шыракаплечы, вочы страшныя». Он причиняет слуге физическую боль (известно, что бесы способны бить и издеваться над теми, к кому приходят): «Ён падышоў да мяне і выцяў так моцна...» [8, с.208].

Следующим образом, который могут принимать злые духи, является образ животных. В рассказе «Чараўнік ад прыроды і кот Варгін» волшебный кот появляется «невядома адкуль» и также неожиданно исчезает, затем превращается в собаку – «і вые лютым сабачым голасам»; писатель указывает на воздушно-огненную природу кота: глаза его горят «як свечкі», и он передвигается посредством летания «як лёгкі вецер пералятаў цераз сталы, шафы і канапы <...> і імгненна знік» [8, с. 270]. Там, где появляется этот «кот», люди меняют свое поведение, образ жизни, становясь злыми, раздражительными, нетерпимыми к другим, как, например, судья Даремуха, который неожиданно стал всех и вся подозревать – «гнеў у яго быў страшны» [8, с. 269]. Впоследствии из головы одержимого духом гнева судьи вследствие проделанных манипуляций колдуна (здесь Барщевский посредством фольклорно-мифологической ситуации обыгрывает процесс экзорцизма) вылетают «крылатыя гадзюкі і цмокі», из бесноватых детей – «матылі» [8, с. 270, 267]. В рассказе «Рыбак Родзька» бесы являются у Глухого озера в образах раков, пауков, щенят, крыс, кроликов, ящериц и кротов – это было, отмечает Барщевский «д'яблава кубло» [8, с.151]. В образе сороки, превратившейся впоследствии в красивую женщину, является бес сребролюбия перед паном Скамарохай в рассказе «Белая сарока» [8, с. 210]. В образах черной собаки и ужей – Семену из рассказа «Вужыная карона» [8, с. 125]. В рассказе «Зухаватыя ўчынкi» Василий помимо ужей видит, как «скачуць у скрутах вакол страшыдлы з сабачымі галовамі і казлінымі нагамі»; параллельно на этом же месте видели скачущих черных козлов, которые исчезли, неизвестно куда [8, с. 114].

Один раз злой дух является в художественном пространстве «Шляхціца Завальні» в стихийном образе ветра (вихря): в рассказе «Зухаватыя ўчынкi». О Василии известно, что он «гультай і свавольнік», который пренебрегает костелом: предпочитает корчму, но главное, – он был «запанібрата з духам праклятым» [8, с. 111-112]. Этот дух-вихрь («слуп») подает своему «другу» руку «чорную, як вугаль». Впоследствии завывание ветра за стеной парень воспринимает, как приветствия своего «брата»: «ён, як непрытомны, паведаміў: – Мой брат выючы праімчаў праўз маю хату <...> Хутка і я за ім» [8, с. 120]. Вскоре Василий исчез.

Дважды в пространстве «Шляхціца Завальні» Барщевский показывает сам процесс вселения беса в человека: в рассказах «Твардоўскі і яго вучань» и «Пакутны дух». Так, в рассказе «Пакутны дух» слепой Франтишек рассказывает про человека, который «думаў пра духаў, зайздросціў іх шчасцю і спакою, – і саграшыў, ох!» [8, с. 217]. Злой дух не заставил себя долго ждать – достаточно одной мысли, вожделенного призыва – и он с легкостью стремиться овладеть человеком, который уже готов к его принятию. По описанию состояния грешника можно предположить, что в него вошел «дух прорицательный» (Деян 16:16): «атруціў кроў маю, расхваляваў нервы, страсянуў усю маю натуру, у цяжкай немачы цела напружыўся слых і вочы зрабіліся, як вочы духа. Бачу і чую далёка – жажлівая хвароба! (курсив мой – Т.Ц.)» [8, с. 217]. Это очень важное замечание, потому что в христианстве одер-

жимые люди и воспринимаются как люди больные. Он видит – и это видение причиняет ему страдания, и люди-великаны, в поисках очередных жертв неизменно сопутствуют ему.

Персонаж повести «Душа не ў сваім целе» имеет удивительную, на первый взгляд, «судьбу»: он не успел смазать свое тело волшебной мазью, и оно «умерло», потому что душа к этому моменту была далеко и не успела вернуться на место. На самом деле образ Саматницкого представляется сложнее, чем образ фантастической повести. И разгадка его жизни – в его заключительном монологе. Он был горд, «мудрствовал лукаво», искушал себя – «ле прадбачыў я таго, што чалавечая мудрасць, якая раскрывае таямніцы свету, можа скончыцца вялікаю бядою, вялікімі пакутамі» [8, с. 332]. Далее выясняется, что Саматницкий сначала «лэтаў без цела», а потом он «улез у чужое цела»; его не приняли на том свете «дык мусіў зноў вярнуцца на зямлю», «няма ў ім жыцця»; «хоча ці не хоча <...> аднак мусіць пакутаваць на зямлі, чакаць, пакуль праб'е гадзіна, прызначаная Богам» [8, с. 319-320]. В этой ситуации Барщевский напоминает Лермонтова с его излюбленной темой – страдающего демона, который хочет любить (Саматницкий мчится спасать любимую девушку); и хочет, чтобы его любили, но встречает холод людского отчуждения – «ягоны прыход, быццам з таго свету, выклікаў нейкае незразумелае пачуццё» [8, с. 320]. Саматницкий рассказывает своему единственному слушателю Зенону про свои путешествия, и особенно знаковыми являются его посещения пещер, которое он правильно называет «вечнае жытло цемры, вечныя сховы начных духаў» [8, с. 326]. Саматницкий также посещает пана Рыльца, калхимика, который вместе со своими друзьями поклоняется огненной Саламандре и вызывает духов, «якія тысячы гадоў ляжалі <...> ў сваіх скалістых магілах» [8, с.330]. Пан говорит уже почти погибшему Саматницкому, который захотел-таки стать на место Бога, «не пераступай межаў, не даследуй дух, бо тут патрэбна вышэйшая сіла <...> не забывай, што ты чалавек...» [8, с.334].

Барщевский заканчивает цикл своих фантастических произведений рассказом «Дзіўны кій». Алешкин посох интерпретируют в литературоведении как крест, посох Моисея [6, с. 155]. На наш взгляд, Алешка со своим чудесным посохом напоминает также пророка Илию, который вызывал именем Господа добрым людям дождь (1Цар 18:36-38). У Барщевского Алешка «чароўным кіем выклікаў з далёкіх краёў хмары, і шчодры дождж ажывіў зямлю. Шмат дапамагаў бедным і нешчаслівым». Вселенная – «велізарная краіна, у якую страшны чарнакніжнік (читай – дьявол) заслаў злых духаў» ждет своего Избавителя. И у Барщевского им становится почти ребенок Алешка, которому пусть пока при помощи сказочного предмета – посоха, но все же удалось спасти свой край – «хутка ўвесь гэты край завітнеў» [8, с. 274].

В художественной системе Я. Барщевского широко представлены образы демона (падшего ангела) и одержимых людей. В произведениях Барщевского художественно переосмыслены качественные характеристики образа падшего ангела: внешний вид, функции, приемы воздействия на человека. В отношении реализации в творчестве Барщевского диады «человек – посредник ангел света (падший ангел)» можно говорить о проблеме духовной свободы человека, которая видится значимой в творчестве писателя. Жизненная позиция персонажей, их поступки, вступление в контакт с посредниками Бога или дьявола (и как результат – одержимость) определяются их духовным опытом, степенью подготовленности к восприятию Божественного Откровения, отношением к нравственным религиозным евангельским заповедям Любви, желанием/нежеланием приблизиться к Свету духовного возрождения.

Abstract. The paper considers the peculiarities of functioning the images of a "mediator" (a demon) and a man and the relations between them on the material of the prose works by Yan Barshchevsky.

Літаратура

1 Пачынальнікі. 3 гісторыка-літаратурных матэрыялаў XIX ст. [Тэкст] / Уклад. Г.В.

Кісялёў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977. – 544 с.

2 Баршчэўскі, Я. ЛІСТЫ ДА ЮЛІІ: Пісьмы, вершы, балады [Тэкст] / Я. Баршчэўскі. – Віцебск : УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2004. – 111 с.

3 Niezabudka. Noworocznik. – Petersburg : Drukiem K.Kraja, 1842. – R.3. –276 s.

4 Перкін, Н.С. Абсягі думкі: Літ.-крытыч. артыкулы / Н.С. Перкін. – Мінск : Маст.літ., 1980. – 288 с.

5 Гісторыя беларус.літ-ры: XIX пачатак XX ст. [Тэкст] : падруч. для філал.фак.пед. ВНУ. – 2-е выд., дапрац. / М.А. Лазарук [і інш.]; пад рэд. М.А. Лазарука. – Мінск : Выш. шк., 1998. – 560 с.

6 Хаўстовіч, М.В. На парозе забытае святыні: Творчасць Яна Баршчэўскага [Тэкст] / М.В. Хаўстовіч. – Мінск : Права і эканоміка, 2002. – 186 с.

7 Штэйнер, І.Ф. Шматмоўная літаратура Беларусі XIX стагоддзя [Тэкст] / І.Ф. Штэйнер. – Мінск : Бел.навука, 2002. – 171 с.

8 Баршчэўскі, Я. Выбраныя творы [Тэкст] / Я. Баршчэўскі. – Мінск : «Белар.кнігазбор», 1998. – 480 с.

9 Yakauleu, S. Synkretyczny charakter demonologii w utworach Jana Barszczewskiego / S. Yakauleu // Ян Баршчэўскі і яго час [Тэкст] : матэрыялы II Міжнар.чытаньняў, Полацк, 11-12 лістапада 1998 г. / ВДУ імя П.М. Машэрава; рэдкал. : А.М. Дарафееў [і інш.]. – Віцебск, 1999. – С. 64-68.

10 Даніленка, С. Міф і Радзіма: Сакралізацыя дзяржавы-Радзімы ў літаратуры польска-беларускага рамантызму [Тэкст] / С. Даніленка. – Мінск : Палібіг, 1999. – 114 с.

11 Житія Святыхъ свт. Димитрія Ростовскаго [Текст]. – Кн. 5. – Ч. 2. (январь). – Козельск : Изд-во Введенской Оптиной Пустыни, 1993. – 460 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 20.01.06